

УДК [821.161.1:323.282](091)

ББК 83.3(2=411.2)6-3

Л29

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. CCLXVII

Лахманн, Р.

Л29 Лагерь и литература: Свидетельства о ГУЛАГе / Ренате Лахманн; пер. с нем. Н. Ставрогиной. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 584 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-2293-7

Одно из главных последствий ГУЛАГа — это потеря привычных гуманистических и культурных ориентиров, несоответствие прежних категорий мысли и речи новым обстоятельствам катастрофы. Автобиографии, дневники и рассказы выживших стремятся перевести этот физический и психологический опыт страдания на язык литературы, но раз за разом сталкиваются с теми или иными сложностями. Книга Ренате Лахманн предлагает литературоведческий анализ масштабного корпуса свидетельских текстов о ГУЛАГе: от Евгении Гинзбург, Александра Солженицына и Варлама Шаламова до Юлия Марголина и Карла Штайнера. Также рассматривается лагерная тема в творчестве писателей более поздних поколений, в частности Данило Киша и Оливье Ролена. На каких формальных принципах основывается поэтика лагерного письма? Каково соотношение документальности и художественности в этих текстах? И какое знание о человеке и человечестве стремится раскрыть нам эта литературная традиция? В поисках ответов на эти вопросы автор предлагает свое прочтение известных лагерных текстов, предоставляя при этом слово и самим жертвам ГУЛАГа. Ренате Лахманн — славист, историк культуры, автор книги «Дискурсы фантастического», вышедшей в издательстве «НЛО».

УДК [821.161.1:323.282](091)

ББК 83.3(2=411.2)6-3

© Konstanz University Press, 2019

© Н. Ставрогина, перевод с немецкого, 2024

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение: Что было известно?	8
I. Как обращаются со знанием?	32
1. Подходы: Цветан Тодоров, Данило Киш, Александр Эткинд.	32
2. Сложилась ли мемориальная культура?	43
3. Места памяти и находок	65
4. Забвение как выбор?	73
II. Казнь или лагерь	82
5. Утопические проекты и расстрельные кампании	82
6. Подозрение и арест: Лидия Чуковская	96
6. Театр процесса и желание признаться: Артур Кёстлер	108
8. Дальнейшая история. Бескровная казнь: Ефим Эткинд, Иосиф Бродский	138
III. В лагере	145
9. Опыт разлома.	145
10. Метаморфозы и изумление	150
11. Мир заключенных как «альтернативный мир»	168
12. Бич лагерей: уголовники.	188
13. Работа: бессилие и наказание	218
14. Одержимость хлебом и муки голода	243
15. Гетеротопии: сны, природа и поэзия как прибежища	257
16. Проблема спасшихся: «придурки» — «salvati».	275
IV. Письмо выживших.	289
17. Реальность и реализм	289
18. Невыразимость/выразимость и молчание	298
19. Свидетельство — рассказ.	314
20. Степени аутентичности? — Александр Солженицын, Лев Мищенко и Светлана Иванова, Иван Чистяков (повесть, переписка, дневник)	333

V. Между автобиографией и автофикшеном	354
21. Голые факты: Карл (Карло) Штайнер	361
22. Исследование: Александр Солженицын	376
23. Возможность письма: Густав Герлинг-Грудзинский	389
24. Тщетность: Юлий Марголин	406
25. Текст как событие: Варлам Шаламов	422
26. Женское письмо? Евгения Гинзбург	448
27. Неправильный жанр: Ванда Бронская-Пампук	472
28. Текст о двух лагерях: Маргарита Бубер-Нойман	486
VI. Тексты родившихся позже	502
29. Факт и вымысел: Карл Штайнер и Данило Киш	502
30. Ужас как аллегория: Владимир Сорокин	518
31. Язык меланхолии: Оливье Ролен	525
Заключительные замечания: об этике письма, роли аффектов и проблеме гуманизма	544
Благодарности	556
Сокращения	557
Литература	558
Указатель имен	574

Памяти Томаса Лукмана

ВВЕДЕНИЕ: ЧТО БЫЛО ИЗВЕСТНО?

Что было известно в 1920–1930-е годы о советских исправительно-трудовых лагерях? О лагерной реальности, этой «неотъемлемой части советского эксперимента с самого начала, то есть со времен Ленина»¹, имелись достоверные рассказы выживших. Одно из первых свидетельств о ранних лагерях на Соловецких островах (Соловках) в Белом море принадлежит бежавшему в Финляндию заключенному Созерко Мальсагову, чьи записки «Соловки. Остров пыток и смерти» вышли в рижской эмигрантской газете «Сегодня» в 1925 году, а в 1926-м — в Лондоне под названием «Адский остров. Советская тюрьма на далеком севере» (Island Hell: A Soviet Prison in the Far North). Отчет этого арестованного и сосланного за участие в Белом движении уроженца Ингушетии не остался незамеченным. Во Франции им заинтересовался бывший военный Раймон Дюге — автор одной из первых книг о Соловках, изданной в Париже в 1927 году под названием «Каторжная тюрьма в красной России. Соловки, остров голода, пыток, смерти» (Un bagne en Russie rouge. Solovki, l'île de la faim, des supplices, de la mort). В 1928 году Юрий Безсонов, бежавший вместе с Мальсаговым, выпустил в Париже свои воспоминания о лагерях и побеге — «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков» (Mes vingt-six prisons et mon évasion de Solovki). Ромен Роллан осудил эту книгу как клевету на Советский Союз, а Редьярд Киплинг увидел в ней заслуживающий доверия фактографический рассказ.

¹ См.: Werth N. Ein kurzer historischer Abriss über den Gulag // GULAG. Spuren und Zeugnisse 1929–1956 / Hg. V. Knigge, I. Scherbakowa. Weimar, 2012. S. 103.

Еще одно свидетельство о режиме террора на Соловках оставил Николай Киселев-Громов — в прошлом белогвардеец, а впоследствии сотрудник ОГПУ, служивший на Соловках вплоть до своего бегства; его «Лагери смерти в СССР. Великая братская могила жертв коммунистического террора» увидели свет в Шанхае в 1936 году.

В 1934 году стали доступны на английском языке еще два текста: «Я говорю от имени молчащих заключенных Советов» (*I Speak for the Silent Prisoners of the Soviets*) Владимира Чернавина и «Побег из страны Советов» (*Escape from the Soviets*) его жены Татьяны Чернавиной¹. Как мало кто другой в те годы, Чернавин подчеркивает: его долг — «говорить от лица тех, кто погиб молча». Сознавая всю невероятность своих записок, он настаивает на достоверности описываемых событий, действующих лиц и фактов. Подробно рассказывает о характерном для многих случаев обвинении во «вредительстве», которое в конечном счете погубило и его. Сочетавший научную работу с производственной деятельностью ихтиолог Чернавин добился значительного усовершенствования устаревшей системы рыбной промышленности Мурманска (что пошло на пользу и городу). После вызванного ошибками планирования спада эффективности его судили за вредительство и отправили на Соловки. Воспользовавшись ситуацией свидания, он сумел бежать в Финляндию вместе с женой и сыном.

От того, что описывают с беспощадной точностью Мальсагов и Киселев-Громов, перехватывает дыхание; аффекты сострадания и ужаса кажутся здесь банальными. Невероятность изложенного заставляла усомниться в его достоверности². Лишь в последние годы эти ранние свидетельства очевидцев и жертв — двух бывших белогвардейцев и одного «вредителя» — стали предметом анализа и вызвали

¹ Русские оригиналы вышли в Санкт-Петербурге в 1999 году одной книгой под названием «Записки „вредителя“. Побег из ГУЛАГа».

² О проблеме достоверности см. предисловие Николя Верта к французскому изданию воспоминаний Созерко Мальсагова и Николая Киселева-Громова: *Malsagov S., Kisselev-Gromov N. Aux origines du Goulag. Récits des îles Solovki / Trad. par G. Ackerman, N. Rutkevich. Paris, 2011.*

интерес к начальному этапу становления тюремно-лагерной системы¹.

В Германии 1920–1930-х годов тоже встречались публикации о существовании советских концентрационных лагерей, содержавшие ссылки на рассказы свидетелей и помимо резкой критики лагерных условий обличавшие коммунизм как социально и политически опасную систему².

Несмотря на многочисленные доступные в Западной Европе публикации, известия о происходящем в молодом Советском Союзе не вызвали стойкого шока³. Такая реакция наблюдалась только в кругах русской эмиграции.

Условия в Соловецком лагере особого назначения, или СЛОНе⁴, не внушали людям тревоги уже хотя бы потому, что обладавший непререкаемым авторитетом писатель Максим Горький, посетив этот считавшийся исправительным лагерь, объявил его устройство и управление образцовыми и с воодушевлением сообщил о достигнутых там советским руководством положительных результатах. Литературовед Дмитрий Лихачев, в конце 1920-х годов отбывавший на Соловках часть присужденного пятилетнего срока⁵,

¹ В «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын посвящает этой начальной фазе развития ГУЛАГа исторический экскурс. Основанный на архивных и позднесоветских съемках документальный фильм Марины Голдовской «Власть Соловецкая. Свидетельства и документы» (1988) содержит информацию об истории лагерей и рассказы бывших заключенных о пережитом.

² Этот вопрос подробно рассматривает и интерпретирует Фелицитас Фишер фон Вейкерсталь: *Fischer von Weikersthal F. Appearance and Reality. Nazi Germany and Gulag-Memoirs // (Hi-)Stories of the Gulag. Fiction and Reality / Eds. F. Fischer von Weikersthal, K. Thaidigsmann. Heidelberg, 2016. P. 75–100.* В статье приводится список немецких публикаций о лагерях за 1934–1940 и 1941–1945 годы.

³ Обширную библиографию см. в: *Zorin L. Soviet Prisons and Concentration Camps. An Annotated Bibliography 1917–1980.* Newtonville, 1980; а также: *Kaplan H. The Bibliography of the Gulag Today // Reflections on the Gulag / Eds. E. Dundovich, F. Gori, E. Gueretti. Milan, 2003. P. 225–246.* Вторая часть библиографии охватывает тексты, написанные в постсоветской России.

⁴ Акроним СЛОН располагал к различного рода игре слов.

⁵ Лихачев находился в заключении на Соловецких островах с 1928 по 1931 год. Еще год он провел на материке как узник Белбалллага — принадлежавшего к соловецкому лагерному комплексу лагеря на Беломорско-Балтийском канале.

в воспоминаниях¹ подробно описывает этот визит (Горький прибыл в сопровождении своей одетой «как заправская „чекистка“» снохи) от лица очевидца, упоминая высказанную заключенными надежду на облегчение участи или даже освобождение по ходатайству знаменитого писателя. После продолжительной беседы с четырнадцатилетним мальчиком, сообщает Лихачев, Горький покинул барак, где они говорили, в слезах — потому, вероятно, что узнал всю правду (ЛД 189).

Из отчетов Мальсагова, Киселева-Громова и Чернавина видно: монополия на власть в этом островном царстве была в руках чекистов². Их действия практически не контролировались вышестоящей инстанцией. Монополия на власть означала ничем не сдерживаемое насилие: притеснения, унижения, пытки, убийства³.

В предисловии к ныне переведенным на французский текстам Созерко Мальсагова и Николая Киселева-Громова⁴ Николя Верт называет созданную на Соловках лагерную систему испытательной станцией, лабораторией, где не только отработывались программа принудительного труда и введение трудовой нормы с соответствующим размером пайка, но и играли свою роль акты садистского произвола чекистов: пытки, казни, сексуальные посягательства. Ужесточение условий при помощи принципа нормы было частью системы, придуманной прошедшим путь от уголовника до начальника производственного отдела лагеря Нафталием Френкелем и послужившей моделью устройства более поздних лагерей.

¹ Лихачев Д. С. Мысли о жизни: Воспоминания. СПб., 2014.

² Хотя в 1920-е годы ЧК, созданная Феликсом Дзержинским в 1918 году по приказу Ленина для «борьбы с контрреволюцией», была преобразована в ГПУ, а в 1934-м — в НКВД и затем в КГБ (1954–1991), сотрудников лагерей продолжали называть «чекистами».

³ Показанный в Каннах в 1992 году фильм Александра Рогожкина «Чекист» содержит шокирующие сцены чекистской жестокости.

⁴ Malsagov S. L'île de l'enfer. Un bain soviétique dans le Grand Nord. Riga, 1925; и Kisselev-Gromov N. Les camps de la mort en URSS. Shanghai, 1936 в: Malsagov, Kisselev-Gromov. Aux origines du Goulag. Récits des îles Solovki. Верт приводит биографические сведения об обоих авторах. Киселев-Громов, который, как и Мальсагов, был офицером Белой армии, после ареста перешел на сторону ЧК, а впоследствии спасся бегством.

Возникшая в результате система, так называемая «соловецкая власть», распространилась на весь ГУЛАГ, что привело к ухудшению условий заключения и неограниченному произволу надзирателей¹.

В своей книге о ГУЛАГе и его предыстории «Кривое горе. Память о непогребенных» Александр Эткин пишет о роли этого островного лагеря:

Соловецкий лагерь был первым и «образцовым» лагерем в системе ГУЛАГа, которая определила судьбу России в XX веке. Для культурной памяти Соловки работают как метонимия всех советских лагерей — часть, которая замещает собой целое и включает в себя весь ужас и страдания жертв советского террора².

В 1996 году Ральф Штетнер посвятил этой начальной фазе существования советской лагерной системы и дальнейшим этапам ее развития обширный исторический труд³, в котором ссылается на рассказы заключенных, прежде всего «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына и увидевший свет в 1987 году «Справочник по ГУЛагу» Жака Росси⁴, а также результаты международных исследований сталинизма. В своей работе Штетнер рассматривает понятия наказания, исправления, перевоспитания, обернувшиеся в итоге реальностью принудительного труда, приводит обзор типов лагерей⁵ и их распределения в европейской и азиатской

¹ См. предисловие Ирины Щербаковой к книге: *Чистяков И.* Сибирской дальней стороной: Дневник охранника БАМа, 1935–1936. М., 2014. С. 7–40.

² Эткин А. Кривое горе: Память о непогребенных / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2016. С. 15.

³ Stettner R. Archipel GULag: Stalins Zwangslager. Terrorinstrument und Wirtschaftsgigant. Entstehung, Organisation und Funktion des sowjetischen Lagersystems 1928–1956. Paderborn, 1996. Пространная статья о ГУЛАГе в немецкоязычной «Википедии» по большей части опирается на работу Штетнера.

⁴ Росси Ж. Справочник по ГУЛагу: Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. Лондон, 1987.

⁵ Выделяются два основных типа лагерей: исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) и исправительно-трудовая колония (ИТК).

частях Советского Союза, а также разбирает сложную систему управления и географически обусловленные виды работ. В 1998 году под руководством созданной в конце 1980-х независимой правозащитной организации «Мемориал»¹ был издан справочник, цель которого — с опорой на исторические изыскания и архивные данные предоставить более точные сведения о количестве, местоположении, возникновении и закрытии лагерей, сферах труда и колебаниях численности заключенных (1930–1960)².

Точных данных о числе погибших в тюрьмах, при депортациях и в лагерях нет. «Хотя за последние 15–20 лет секретные архивы приоткрыли свои двери, <...> [п]роблема оценки демографических последствий политических репрессий советского времени еще ждет своих исследователей», — пишет электронный журнал «Демоскоп Weekly»³. Число приговоренных к тюремным и лагерным срокам в период с 1929 по 1953 год оценивается в 20–30 миллионов человек.

В рассматриваемых ниже текстах рассказывается о работах на Соловках (лагерном комплексе на островах в Белом море) и в онежских лесах, о добыче никеля в Норильске и золота на приисках Колымы, о строительстве Беломорско-Балтийского канала и Байкало-Амурской магистрали⁴.

Решающим для сосуществования заключенных в лагере фактором было столкновение друг с другом разнородных групп. Принятие в 1927 году уголовного кодекса со статьей 58, узаконившей применение карательных мер к «политическим» и «контрреволюционерам», было направлено против тех, в ком подозревали классовых врагов, врагов народа,

¹ Внесена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

² Das System der Besserungsarbeitslager in der UdSSR 1923–1960. Ein Handbuch / Hg. M. Smirnow. Übers. von I. Raschendorfer, V. Ammer. Berlin, 2006; Система исправительно-трудовых лагерей 1923–1960 / Ред. Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский. М., 1998.

³ Вишневецкий А. Вспоминая 37-й: Демографические потери от репрессий // Демоскоп Weekly: Эл. версия бюллетеня «Население и общество». 10–31 декабря 2007. № 313–314. Автор — Анатолий Вишневецкий (<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/tema06.php> (дата обращения 16.02.2023)).

⁴ В зависимости от размеров лагерного комплекса число заключенных варьировалось от 40 000 до 180 000.

предателей и саботажников; статья включала ряд подпунктов о различных правонарушениях подобного рода¹. В лагерях такие люди, на лагерном жаргоне именуемые «пятьдесят восьмая», оказывались вместе с осужденными за кражи, убийства, порчу общественного имущества или же с профессиональными преступниками, составлявшими особую группу со своей иерархической структурой. Такое положение дел рождало усугублявшие тяжесть лагерных условий конфликты, которые во всех свидетельствах составляют один из главных пунктов². Помимо политических, контрреволюционеров, иностранных коммунистов и уголовников в лагерь попадали подозреваемые в фашизме литовцы и поволжские немцы, ставшие жертвами доносов советские граждане и в целом считавшиеся подозрительными иностранцы (в том числе много азиатов), а после 1945 года — освобожденные из немецкого плена и немецкие военнопленные. Охрана состояла, как уже сказано, из чекистов — этой определявшей жизнь всего лагеря группы, имевшей, очевидно, неограниченную свободу наказывать.

Дмитрий Лихачев, находившийся в заключении на Соловках в 1928–1931 годах, во времена, когда лаборатория уже превратилась в рутину, не только подробно описал местоположение и эксплуатацию этого превращенного в лагерь крупного монастырского комплекса, раскинувшегося на нескольких островах, но и показал повседневную жизнь, где вид обнаженных непогребенных трупов был такой же обыденностью, что и непосильный труд, голод, холод, побои, унижения и массовые расстрелы. Вот что говорит об этом островном царстве, имея в виду его знаменитое монастырское прошлое, в одном из интервью Евгений Водолазкин — автор романа

¹ Статья 58 УК СССР была принята ЦИК СССР 25 февраля 1927 года и вступила в силу незамедлительно.

² Ср. главу «„Гулаговское население“ — люди как массовый расходный материал» в: *Stettner. Archipel GULag*. S. 180–187. В научной литературе отмечается, что основную массу заключенных составляли не политические, а обычные граждане, приговоренные к многолетним лагерным срокам за провинности наподобие саботажа, прогулов, спекуляции, то есть за нарушения социального поведения.

«Авиатор», действие которого частично разворачивается там: «Соловки <...> это своего рода модель России. Потому что все там было доведено до предела: и святость, и злодейство»¹.

Если в этих сообщениях показана самая темная сторона жизни на Соловках, то из других явствует, что на островах кипела оживленная культурная жизнь: ведь туда сослали множество ученых, представителей духовенства и деятелей искусства. Они не привлекались к принудительным работам и могли выступать с лекциями, проводить время в богатой монастырской библиотеке, посещать концерты и спектакли. В своих мемуарах Лихачев стремится осветить и эту сторону лагерной жизни. В главе о Соловецком театре (Солтеатре) он, имея в виду эти особые условия, говорит о «чекистском чуде»². На Соловках такой альтернативный мир существовал уже в 1920-е годы (а впоследствии стал возможным и в других местах ГУЛАГа) — мир в конечном счете нереальный, в жизни которого с явным удовольствием участвовали обе стороны: исполнители и зрители/слушатели.

В главе «Театр в ГУЛАГе» фотоальбома Томаша Кизны «ГУЛАГ» (2004) можно увидеть обескураживающе эффектные снимки различных сцен, актеров и актрис. В зале сидели солдаты лагерных войск, представители охраны и лагерной администрации. Кизны воспроизводит фотографию игравшего в театре Медвежьегорска и на Соловках актера (с московским театральным прошлым) Ивана Николаевича Русинова и цитирует его пересказ разнообразной недельной программы:

[Р]епертуар выглядел так: в понедельник — драма, во вторник — опера, в среду — оперетта, в четверг — балет, в пятницу —

¹ Российская газета. 6 апреля 2016. В одной своей статье Сюзанна Франк (*Frank S. Solovki-Texte // Texte prägen. Festschrift für Walter Koschmal. Wiesbaden, 2017. S. 265–298*) рисует как историческую, так и — после посещения — современную картину этого островного мира с его монастырской культурой и представляет написанные в лагерную эпоху тексты, а во второй части интерпретирует современные тексты о Соловках, принадлежащие перу Юрия Нагибина, Юрия Бродского, Захара Прилепина, Евгения Водолазкина. См. также илл. на с. 78–81 настоящей книги.

² О чекистах см. выше, примеч. 2 на с. 11.

симфонический концерт (в оркестре играло около пятидесяти музыкантов), в субботу — эстрадный концерт; в воскресенье — кинофильм¹.

Уголовники создали театр «Свои» и хор, исполнявший лагерные песни. Лихачев, который отдельно упоминает постановку «Маскарада» Лермонтова и показ фильма по сценарию Виктора Шкловского, позже комментирует эту деятельность так:

Солтеатр с его занавесом, отделявшим смерть и страдания тифозных больных от попыток сохранить хоть какую-то интеллектуальную жизнь теми, кто завтра и сам мог оказаться за занавесом, — почти символ нашей лагерной жизни (да и не только лагерной — всей жизни в сталинское время) (ЛД 218)².

Трудно понять несоответствие между этими культурными возможностями — и преступлениями, которые совершались не только в отношении подневольных работников (они составляли отдельный «слой»), но и в отношении культурной «элиты»³. В документальном романе французского писателя Оливье Ролена «Метеоролог», опубликованном на немецком языке в 2015 году, на материале переписки заключенного с семьей из архива «Мемориала» рассказывается о судьбе ведущего в 1920–1930-е годы исследователя погоды и стратосферы Алексея Феодосьевича Вангенгейма, приговоренного к нескольким годам на Соловках и расстрелянного в 1937 году. Из этой переписки, как и из оценки Лихачева, видно, что участники культурного «времяпрепровождения» прекрасно осознавали эту раздвоенность лагерной жизни. Их редевшие вследствие казней или перевода в другие лагеря ряды пополнялись новыми арестантами. По сути на Соловках

¹ *Кизны Т.* ГУЛАГ: Соловки. Беломорканал. Вайгач. Театр в ГУЛАГе. Колыма. Воркута. Мертвая дорога / Пер. с польск. М., 2007. С. 278. Солтеатр уже некоторое время выступает предметом историко-театроведческого изучения.

² См. также илл. на с. 186–187 настоящей книги.

³ В исследованиях холокоста считается, что культурная деятельность на Соловках послужила образцом для Терезиенштадта.

осуществлялся эксперимент, жертвами которого стали сотни заключенных¹. Известия об этом, если куда-нибудь и просачивались, сенсации не производили. Упомянутые публикации о начальной фазе существования лагерей игнорировались или отменялись.

Эта неготовность воспринимать представленную в виде документальных отчетов или воспоминаний информацию о развитой системе ГУЛАГа не изменилась и в 1940-е годы. Признать их значение помешали преданные огласке после Второй мировой войны знания о нацистских лагерях смерти и начало холодной войны. Правда, в Германии рассказы вернувшихся из советского военного плена вызывали смущение, однако не смогли по-настоящему открыть глаза на советскую репрессивную систему².

Иная ситуация складывалась во Франции, где споры по поводу правдивости рассказов о существовании советской лагерной системы привлекли к себе общественное внимание. Французские левые в своем печатном органе «Летр франсез» попросту отвергли подобные рассказы как лживые и обвинили Виктора Кравченко — советского перебежчика, написавшего об исправительно-трудовых лагерях в своей исповеди «Я выбрал свободу» (*I Chose Freedom*, 1946), — в создании пасквиля, а в 1949 году подали против него иск о клевете на Советский Союз. Дело приняло скандальный оборот и среди прочего способствовало превращению книги Кравченко в публицистический бестселлер. Он выиграл процесс благодаря выступлению Маргариты Бубер-Нойман, чьи свидетельские записки «В заключении у Сталина и Гитлера» (*Als Gefangene unter Stalin und Hitler*) вышли в 1946 году в Швеции и в 1947-м — в Германии и чьи слова исключали всякое

¹ См.: *Bogumil Z.* The Solovetski Islands and Butovo as two «Russian Golgothas». *New Martyrdom as a Means to Understand Soviet Repression // (Hi-)Stories of the Gulag / Eds. Fischer von Weikersthal, Thaidigsman.* P. 133–158. О проблеме статистики жертв см. анализ российского историка Галины Ивановой: *Ivanova G.* Die Gulag-Statistiken im Spiegel von Archivmaterialien und Memoiren // *Ibid.* P. 21–35.

² Основанная на личном опыте книга Гунтера Тиле «1945 год. После краха. Советский плен» (1945. *Nach dem Untergang. Gefangenschaft in der Sowjetunion*) вышла лишь в 2016 году в Нордерштедте.

сомнение. В 1949 году произошел еще один случай, вызвавший жаркие споры французской общественности: выживший узник концлагеря Давид Руссе опубликовал в газете «Фигаро» статью о советской системе концентрационных лагерей, а в книге «Концентрационный мир»¹ изобразил не только нацистские концлагеря, но и советские учреждения принудительного содержания (с 1918 года именуемые «концентрационными лагерями» или «концлагерями»), подчеркивая прежде всего их системный характер и говоря, соответственно, о концентрационном мире. После того как «Летр франсез» (обвинителем выступил Луи Арагон) назвала его троцкистским фальсификатором, он подал на газету в суд². Процесс он тоже выиграл, причем свою роль здесь сыграло выступление Юлиа Марголина, автора «Путешествия в страну зэ-ка»³, наряду с показаниями автора «Одиннадцати лет моей жизни» Элинор Липпер⁴ и нескольких прошедших через ГУЛАГ поляков, получивших известность благодаря собственным текстам на эту тему⁵.

При всей прозрачности идеологических мотивов этой кампании отрицания, утверждение, что представленные рассказы — клевета, то есть нечто, что можно назвать «ложью о ГУЛАГе», не было опровергнуто достаточно энергично. В 1950 году Юлий Марголин произнес в ООН речь о существовании советских исправительно-трудовых лагерей. В политической публичной сфере это выступление опять-таки осталось без последствий.

В результате среди французских интеллектуалов возник своего рода раскол: с одной стороны — отстаивание

¹ *Rousset D. L'Univers concentrationnaire. Paris, 1946.*

² В Германии тоже высказывалась такая антипозиция, сторонники которой говорили о клевете на Советский Союз и категорически отрицали существование лагерей: *Dietrich P. Zwangsarbeit in der Sowjetunion? Moskau, 1931. Ср.: Fischer von Weikersthal. Appearance and Reality. P. 75–100.*

³ *Марголин Ю. Путешествие в страну зэ-ка. Нью-Йорк, 1952.*

⁴ *Lipper E. Elf Jahre meines Lebens. Zürich, 1950. О лагерных записках Липпер см.: Toker L. Return from the Archipelago: Narratives of Gulag Survivors. Bloomington, 2000. P. 42–43.*

⁵ Среди них Юзеф Чапский, Ежи Гликсман, Казимеж Заморский.

подлинности рассказов о происходящем в Советском Союзе (так считал Альбер Камю), с другой — отказ признать факты таковыми (эту позицию занял Жан-Поль Сартр). Закрытый доклад Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 году, ставший достоянием общественности, явился признанием соучастия в преступлениях, необоснованных «репрессиях». То было признание вины, сформулированное самым могущественным человеком в тогдашнем Советском Союзе, представлявшим членов партии и говорившим от их лица, причем одновременно он дистанцировался от культа личности с его извращающими эгалитарный принцип религиозными коннотациями. Эта единственная в своем роде речь, обличавшая культ Сталина и признававшая совершенные от имени партии преступления, могла бы, будь ее подрывное содержание принято к сведению, положить конец кампании отрицания¹.

Иной была реакция на репортажи западных корреспондентов о показательных процессах и расстрелах руководящих деятелей ВКП(б) в конце 1930-х годов, вызвавшие на Западе живой интерес. Хотя фальшивками эти репортажи не объявлялись, их интерпретация рождала идеологические споры. Артур Кёстлер, чей роман «Слепящая тьма» вышел в Англии в 1940 году и был встречен не только литературным, но и политическим интересом, во Франции подвергся резким нападкам левых интеллектуалов, в том числе видных философов и литературоведов. Опубликованная уже в 1939 году книга «Я был агентом Сталина»² — исповедь советского перебежчика Вальтера Кривицкого, своими глазами наблюдавшего показательные процессы и осведомленного об обстоятельствах, которые заставляли обвиняемых делать парадоксальные признания вины, — могла бы быть прочитана как историческое соответствие тексту Кёстлера, подтверждающее его версию и придающее ей статус своего рода литературы факта. Но этого не произошло. На тот момент

¹ Об этом секретном докладе см. главу 7.

² Немецкий перевод: *Krivitsky W. Ich war in Stalins Dienst! / Übers. von F. Neumann. Amsterdam, 1940.* Особенно познавательна глава «Сталин обезглавливает партию большевиков» (в русском варианте «ОГПУ»).

Кёстлер остался одним из немногих, кто выступил с резкими аргументами против (контролируемого?) замалчивания информации о сталинских преступлениях.

Правда, упомянутый отчет Маргариты Бубер-Нойман о ее пребывании в лагерях, в котором также предлагается основанный на личном опыте сравнительный взгляд на обе репрессивные системы с точки зрения жертвы и свидетельницы, в Германии заметили, как и роман Кёстлера о показательном процессе (рецензии на оба текста появились в ведущих журналах), но всерьез этой темой никто заниматься не стал.

Политическая актуальность романа Ванды Бронской-Пампук «Без меры и конца» (*Ohne Maß und Ende*, 1963)¹, действие которого разворачивается в колымских лагерях и охватывает три поколения женщин-заключенных, тоже оказалась приглушена — вероятно, в силу «эпического» характера этого текста, написанного одной из первых жертв и свидетелей. В рецензиях на роман интерпретируются в большей степени чувства и поступки персонажей, чем определившие их судьбу сталинская диктатура и лагерная система.

Лишь изображение лагерной действительности в изданном сначала на Западе «Архипелаге ГУЛАГ» Александра Солженицына², соединившего изображение собственной лагерной жизни с рассказами других жертв об их личном опыте и сведениями из секретных документов, благодаря эффекту аутентичности привело к тому, что теперь «самая темная сторона Советского Союза» была потрясенно принята к сведению. Дело вновь не обошлось без идеологически мотивированных предубеждений против этого, как гласит подзаголовок книги, «опыта художественного исследования».

¹ Бронская-Пампук была ребенком первого впавшего в сталинскую немилость поколения коммунистов (в данном случае видных польских). Вместе с родителями она ехала в поезде, который вез Ленина в Россию через Германию (с политически мотивированного прямого разрешения). 4 декабря 1963 года журнал «Шпигель» напечатал рецензию на ее книгу.

² Первое русское издание вышло в Париже в 1973 году; в Советском Союзе — лишь в 1989 году. Немецкий перевод появился в 1973–1976 годах (в трех частях).